

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
Р96

Deanna Raybourn
A PERILOUS UNDERTAKING

This edition published by arrangement with Berkley,
an imprint of Penguin Publishing Group, a division
of Penguin Random House LLC.

Рэйборн, Деанна .

Р96 Вероника Спидвелл. Опасное предприятие : роман / Деанна Рэйборн. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 448 с. — (#YoungDetective).

ISBN 978-5-17-113267-5

Лондон, 1887 год. В прогрессивном женском обществе «Клуб любопытных» юная искательница приключений Вероника Спидвелл знакомится с таинственной леди Сандридж. Высокородная дама просит Веронику о невыполнимой услуге — спасти известного мецената Майлза Рамсфорта, приговоренного к повешению за кровавое убийство своей возлюбленной — художницы Артемизии. На то, чтобы разыскать настоящего убийцу, у Вероники есть всего неделя, по истечении которой Рамсфорт будет казнен. Погружаясь в тайны аристократов и представителей лондонской богемы, Вероника и ее напарник Стокер быстро понимают, что угодили в поистине опасное предприятие...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

© Deanna Raybourn
© A PERILOUS UNDERTAKING
© All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.
© Т. Артюхова, перевод на русский язык, 2019
© Shutterstock, Inc., фотография на обложке, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-113267-5

Посвящается читателям

«Я должна искренне предупредить тебя: не пытайся найти причину всего и объяснение всему на свете... Стараться найти всему причину очень опасно, это не ведет ни к чему, кроме расстройства и разочарования, приводит в беспорядок мысли и в конце концов делает тебя несчастным».

Королева Виктория — своей внучке
Виктории Гессен-Дармштадтской,
22 августа 1883 г.

Глава 1

Лондон, сентябрь 1887 г.

— Ради всего святого, Вероника, ты должна ранить или убить его, а не пощекотать, — ехидно заявил Стокер и протянул мне нож. — Попробуй еще раз.

подавив вздох, я взяла нож и слегка сжала его так, как меня учили. Я повернулась к мишени и посмотрела на нее с таким напряжением, будто передо мной был разъяренный лев.

— Ты чересчур много думаешь. — Стокер скрестил руки на широкой груди и посмотрел на меня сверху вниз. — Весь смысл этих занятий — научить тебя быстро реагировать, а не думать. Когда жизнь в опасности, тело должно знать, что нужно делать, потому что в этот момент некогда задействовать мозг.

Не опуская клинка, я повернулась к нему.

— Позволь тебе напомнить, что я не раз и при разнообразных обстоятельствах оказывалась в смертельной опасности и тем не менее все еще стою перед тобой.

— Повезти может кому угодно, — холодно сказал он. — Подозреваю, что причина твоей удивительной живучести в сочетании счастливых случайностей и невероятной вредности. Ты слишком упряма, чтобы умирать.

Зерника Снагвилл

— Кто бы говорил! — возразила я. — Можно подумать, этот шрам у тебя на лице — от игривого укуса котенка.

Он поджал губы. Меня неизменно забавляло, что этого закаленного в странствиях по миру человека, который был и ученым, исследователем, натуралистом, и хирургом на флоте, и таксидермистом, так легко могла вывести из себя женщина вдвое меньше него. Тонкий серебристый шрам с одной стороны лица, от брови до подбородка, совершенно его не портил. Даже напротив. Но он был для Стокера постоянным напоминанием о провале амазонской экспедиции, погубившей его карьеру и брак и чуть не стоившей ему жизни. С моей стороны было не совсем честно заговаривать с ним об этом, но в последние дни мы начали сильно трепать друг другу нервы, поэтому ему и пришла в голову идея обучить меня боевым искусствам — это должно было избавить нас от дурного настроения. И это почти подействовало, в немалой степени потому, что я притворилась, будто ничего не смыслю в этой материи. Я не раз убеждалась: ничто не может сделать мужчину счастливее, чем возможность поделиться своими знаниями.

Стокер соорудил мишень в саду у нашего друга и благодетеля, лорда Розморрана, и мы решили устроить себе небольшой отдых от многочисленных дел в Бельведере. Расположенный на территории имения лорда Розморрана в Мэрилебон, Бишопс-Фолли, этот Бельведер был совершенно удивительным зданием. Он был построен как отдельный бальный зал, а стал хранилищем сокровищ эксцентричных предков нынешнего лорда. Он также прекрасно подходил для нашей задумки. Все Розморраны были неутомимыми коллекционерами и доверху набили лондонское имение, охотничий домик в Шотландии и загородное поместье в Корнуолле бо-

Опасное предприятие

гательствами самого разнообразного свойства. Предметы искусства, артефакты, естественнонаучные экспонаты, сувениры — все попадало в жадные аристократические руки Розморранов. Спустя четыре поколения накопительства нынешний лорд решил, что пришло время сделать официальную постоянную экспозицию, и мне со Стокером было поручено заниматься организацией музея. Нам было вполне по силам справиться с таким заданием (к тому же недавно мы оба остались без крыши над головой и без постоянной работы), и это вдохновило графа приняться за дело серьезно. Первым шагом должна была стать подробная опись всего, что успели собрать лорды Розморраны. Утомительная, тяжелая, нудная, но совершенно необходимая работа. Прежде чем заказывать витрины, планировать первую выставку или вешать таблички, мы должны были разделиться с учетом того, с чем нам предстоит работать.

Естественно, вместо этого мы начали планировать очередную поездку. Июль и август мы провели, обсуждая экспедицию на юг Тихого океана, сидели над картами и весело спорили о достоинствах разных мест с точки зрения моих интересов как лепидоптеролога и гораздо менее возвышенных интересов Стокера как охотника.

— Я стреляю зверей не ради собственного удовольствия, — возмущался он. — Просто собираю образцы для научного исследования.

— Это, несомненно, должно как-то утешать твои жертвы, — умильно заметила я.

— Твой моральный облик не намного лучше, моя маленькая убийца. Я видел, как ты сотнями убиваешь бабочек, прямо-таки голыми руками.

— Конечно, я могла бы сначала накалывать их на булавку, но я не сторонница пыток.

Зерника Снагвилл

— Кто бы мог подумать, — пробормотал он. Я спокойно отнеслась к этой злой шутке, ведь я знала, на что дулся Стокер: наш патрон встал на мою сторону и выбрал для экспедиции острова Фиджи. Это место было истинным раем для лепидоптеролога, но не особенно интересным для того, кто изучает млекопитающих.

— Не ворчи. На Фиджи найдется немало образцов для твоего изучения, — сказала я Стокеру скорее из вежливости, чем потому, что считала это правдой.

Он смерил меня ледяным взглядом.

— Я был на Фиджи, — сообщил он мне. — Там летучие мыши и киты. Знаешь, кому интересны летучие мыши и киты? Абсолютно никому.

Я махнула рукой.

— Глупости. Местное население очень гордится милой маленькой летучей лисицей, она наверняка тебе понравится.

В приличном дневнике не стоит писать, что он мне на это ответил, но я будничным тоном добавила, что лорд Розморран собирается заскочить и в Саравак, раз уж мы будем в той части света. В отличие от Фиджи, в этом месте Стокеру найдется что изучать, от пантер до панголинов.

От этих слов он заметно повеселел, и к концу приготовления любого стороннему наблюдателю уже вполне могло показаться, что направление для экспедиции выбирал именно Стокер. Он с большим энтузиазмом взялся за организацию, планируя все для собственного удобства (а я потом за его спиной переделывала все так, как было удобно мне). Все документы уже были в порядке, чемоданы собраны, и в Бишопс-Фолли воцарилась слегка беспокойная атмосфера ожидания. Нам осталось только отправиться в путь, и лорд Розморран начал долгую процедуру прощания с домом, детьми,

Опасное предприятие

сестрой, со штатом прислуги, с любимыми питомцами. Именно это занятие и привело нас к катастрофе.

Возвращаясь с прогулки из той части сада, где у него размещалась коллекция змей, его светлость умудрился споткнуться о гигантскую черепаху Патрицию, существо невообразимых размеров, которая так медленно ползала по саду, что ее уже не раз принимали за мертвую. Я так и не разгадала загадку, как можно было споткнуться о создание, чьим ближайшим родственником был разве что валун, но эта тайна была не главной нашей заботой. Лорд получил сложный перелом бедра, болезненную и совершенно отвратительную травму, на лечение которой, как уверил меня Стокер, уйдет много месяцев. Ему достаточно было лишь взглянуть на торчащую из раны кость, чтобы безошибочно определить дальнейшие действия, и он попросил меня проследить за распаковыванием чемоданов. Экспедиция Розморрана — Спидвелл — Темплтон-Вейна официально была отменена.

Стокер, как обычно, оказался совершенно незаменим в минуту кризиса, но вскоре личные доктора графа узурпировали право лечения его светлости, а нам оставалось только засесть в Бельведере и от разочарования подшучивать друг над другом. Мы так мечтали вновь оказаться на борту корабля, почувствовать, как морской бриз уносит вдаль скучный английский воздух, и ощутить призыв тропических морей, ветров, наполненных удивительными ароматами, и неба, усыпанного звездами. Но вместо этого оба, как глупые насадки, остались в курятнике, высиживать свои разбившиеся мечты. И возможность навести порядок в Бельведере не смогла вернуть нам доброе расположение духа, хотя, должна отметить, Стокер досадовал на обстоятельства гораздо дольше, чем я. Но по опыту я знала, что муж-

Вероника Стюарт

чины могут дуться бесконечно, если только не указать им прямо на то, как называется такое поведение. И вот именно в такую минуту сильного возмущения Стокеру пришло в голову обучить меня приемам самообороны (это было понятно, учитывая множество опасных ситуаций, в которых нам с ним довелось побывать).

— Замечательная идея, — с воодушевлением ответила я. — Из чего будем стрелять?

— Я не дам тебе огнестрельное оружие, — решительно отказался он. — Оно шумное, ненадежное, его легко вырвать из рук и обратить против тебя самой.

— Как и нож, — проворчала я.

Он сделал вид, что не услышал меня, и достал клинок, который обычно носил в сапоге. Поставил мишень — старый портновский манекен, который откопал где-то в недрах Бельведера, и со снисходительностью, ужасно меня раздражавшей, принялся учить, как его убивать.

— Всего одно плавное движение, Вероника, — в сотый раз повторил он. — Не сгибай запястье и думай, что нож — это продолжение твоей руки.

— Совершенно бесполезная информация, — сообщила я, в очередной раз наблюдая обычную картину: нож отскочил от живота манекена и воткнулся в траву.

Стокер достал его и снова протянул мне.

— Попробуй еще раз, — приказал он.

Я опять бросила нож, который теперь коснулся головы манекена, а Стокер в это время рассказывал, чем привлекательны разные части мишени.

— Шея — приятная, мягкая, но тонкая и не очень надежная цель. Если нужно обездвигить человека, лучше метить в бедро. Хороший удар в ногу задержит его, а если удастся задеть бедренную артерию, то он остановится раз и навсегда. Можешь попробовать попасть в желудок, но если парень будет тучным, нож

Опасное предприятие

просто застрянет у него в жировом слое и только разозлит его.

Он поучал меня не меньше часа, но я не особенно его слушала, больше предавалась собственным мыслям, снова и снова бросая нож с разной силой и степенью успешности.

— Вероника, — вдруг закричал он, когда нож пролетел и вовсе мимо манекена, — это еще что за чертовщина?!

Покраснев от возмущения, он поднял клинок и вручил его мне. Причиной его расстройства стало внезапное появление сестры его светлости, леди Корделии Боклерк. Я повернулась и помахала ей ножом.

— Простите Стокеру его несдержанность, леди К. Он сейчас в ужасном состоянии. Дуется с тех пор, как его светлость сломал ногу. Как сегодня себя чувствует пациент?

Заметив мрачный взгляд Стокера, я подчеркнуто осторожно опустила нож.

— Его немного лихорадит, но доктор говорит, что он крепок как бык, хотя по его внешнему виду этого не скажешь, — ответила она с улыбкой. И это была чистая правда. Его светлость выглядел как библиотекарь в последней стадии анемии: бледный и сгорбленный от долгих лет сидения над книгами. Но главное дело тут в наследственности, а она у Боклерков была отменной. От леди К. всегда веяло здоровьем: по-английски бледно-розовый цвет лица, стройная фигура. Но сейчас, присмотревшись к ней повнимательней, я заметила непривычно нахмуренные брови, да и щекам ее явно не хватало обычного здорового цвета.

— Кажется, вы совсем выбились из сил, ухаживая за ним, да еще и занимаясь хозяйством, — заметила я.

Она покачала головой.

Вероника Снагвелл

— Конечно, сейчас все немного вверх дном, — призналась она. — Доктор вызвал нам профессиональных медсестер с проживанием, чтобы ухаживать за его светлостью, и, боюсь, миссис Баскомб не слишком по душе лишняя работа — присматривать еще и за ними.

Меня это не удивило. Экономка его светлости напоминала мне незрелую айву — пухлая, но кислая. А леди К. продолжала:

— К тому же сейчас как раз нужно собирать мальчиков в школу, а у девочек новая гувернантка, и ей нужно еще ко всему привыкнуть.

— Временно, — пробормотал Стокер.

Девочки из семьи Боклерков славились тем, что с легкостью прогоняли всех незадачливых гувернанток хорошо спланированными истериками или пауками в постели. Жаль, что никто не рассказал им, насколько эффективен может быть сироп из инжира*, добавленный в утренний чай, но я была не вправе учить их дурным манерам.

Леди Корделия улыбнулась своей доброй улыбкой.

— Временно, — согласилась она. — Но сегодня, кажется, все идет своим чередом — настолько, что я решила нанести визит в «Клуб любопытных».

Я вся обратилась в слух. Официально известное как клуб «Ипполита», это было удивительное место, созданное для свободного общения одаренных дам, чтобы общественные предрассудки не ограничивали им темы для обсуждения. И хотя основной смысл существования клуба заключался именно в этом, но, как и большинство благородных заведений такого рода, он был открыт для внешнего мира из-за множества запутанных

* Обладает слабительным и мочегонным действием. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Опасное предприятие

правил и законов. Леди Корделию допустили туда благодаря серии сильных статей по высшей математике, и было приятно видеть, что ее таланты (которые ей зачастую приходилось тратить на споры с миссис Баскомб о счетах из бакалейной лавки) смогли привести ее в круг общения с людьми, способными по достоинству оценить ее ум. Семья считала ее какой-то фокусницей, которая может показывать трюки с цифрами, в одном ряду с медведем, танцующим вальс. В ее серьезных, спокойных глазах никогда нельзя было прочесть разочарования, которое она, несомненно, чувствовала от того, что ее так часто недооценивали и игнорировали, пусть даже по-доброму и не желая обидеть, но во мне было достаточно возмущения для нас обеих.

Леди Корделия ласково на меня взглянула.

— Вы очень мужественно держитесь, но я понимаю, как вы должны быть расстроены тем, что сейчас вы все не на полпути в экспедицию, — начала она.

— Ну что вы, — возразила я. Вообще-то, у меня не было привычки лгать, но ведь в том, что экспедиция не удалась, не было вины леди К., к тому же она всегда относилась ко мне с невероятной добротой. Я чувствовала в ней если не родственную душу, то, по крайней мере, дружественную.

— Прекрасно врите, — мягко заметила она. — Но вы исследователь, мисс Спидвелл. Я слышала, как увлеченно вы рассказываете о своих путешествиях, и понимаю, как вам нравится чувство охотника.

— Да, пожалуй, — неопределенно ответила я.

Она продолжала.

— Знаю, у вас здесь много работы, но я подумала, может быть, вам будет интересно посетить клуб в качестве моего гостя. Сменить обстановку, чтобы поднять себе настроение, — добавила она, взглянув на Стокера.